

Владимир Романовский
Валька

почти фантастическая история

Владимир Дмитриевич Романовский

Валька

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11283257

ISBN 978-5-4474-1255-5

Аннотация

Действие этой истории происходит в недалеком будущем, в условиях, вполне сходных с сегодняшними. Борьба афериста и спортсменки за выживание во враждебном окружении.

Валька почти фантастическая история Владимир Дмитриевич Романовский

© Владимир Дмитриевич Романовский, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Степь, пересеченная двухколейной веткой железной дороги, с высоты выглядит как выцветшая карта. На карте, правда, не отметили бы одинокий недвижимый пассажирский вагон.

Глядя вниз, на вагон, Кравченко спросил по связи:

– Группа Фикус, как видите объект? Прием.

Из второго вертолета ему сказали:

– Видим хорошо. Прием.

Кравченко прикинул расстояния – до ближайшего населенного пункта, до ближайшей автострасы, до ближайшей радиовышки. Жестом велел пилоту двигаться дальше, вдоль ветки, он сказал:

– Разберитесь с объектом, что там и как. Я иду дальше

вдоль ветки, на всякий случай.

Люди любят это выражение – «на всякий случай» – думая, что оно что-то объясняет. Кравченко был снисходителен к людям и уважал их слабости. На самом деле он просто чувствовал – профессиональным чутьем, что нужно идти дальше, дальше будет еще удивительнее.

Хотя на первый взгляд – куда уж удивительнее? Приходит сообщение со станции, что шел вот поезд, шел себе, и где-то между станциями, в степи, потерял один вагон. Последний. Понятно, что не из середины вагон он потерял, но все-таки удивительно.

Не просто так звонили со станции, не простой человек звонил, и не простому человеку.

Следующий поезд – экспресс – должен пройти по ветке в северном направлении через два часа, в сумерках, если не сообщить о стоящем посреди чиста поля вагоне железнодорожникам. А зачем им сообщать? Обзор хороший, будем надеяться, что машинист увидит на пути вагон и притормозит. Можно, конечно, послать второй вертолет обратно, пусть долетят до гражданской связи и сообщат. Но это – не по правилам. Нельзя. Начнутся неудобные вопросы, вроде – а вам откуда это известно? И что вы там делали, да еще на вертолете? Гражданские – они любопытные сверх меры бывают, особенно когда думают, что за проявление любопытства им ничего не будет. Что делали...

Что надо, то и делали. Но следует отдать должное тем, кто

устроил этот бардак с вагоном – место подобрано идеально. Именно на этом участке пути, нежилом, плоском, прямом, никогда и ничего не случается, и поэтому никто за этим местом не следит. Раз в неделю проезжают на своей пыхтелке ремонтники – проверяют пути. Электрики прозванивают линию иногда. Всё. Нападать на поезд или разбирать пути некому, и ломаться тут нечему. Восемь составов в день – четыре в одну, и четыре в другую сторону, ходят строго по часам. Вокруг на много километров ни души. Вторая, перегруженная, историческая ветка – тридцать километров к востоку, за горизонтом. Да, славное место.

Кравченко всмотрелся в точку, движущуюся вдоль рельсов, схватил бинокль. Вот. Вот он и есть, пресловутый «всякий случай». Он тронул за плечо пилота, но тот и сам уже рассматривал эту же точку, и озабоченность проявилась на его лице. Кравченко сказал:

– Снижаемся.

Субъект не сопротивлялся, делал все, как ему велели – руки за голову, не двигаться, и прочее. Дал надеть на себя наручники, послушно сел в вертолет. Глаза субъекта были стеклянные какие-то, смотрели на горизонт. Когда повторно снизились и соединились с группой Фикус, субъект слегка оживился. На одинокий вагон он не смотрел, будто не инте-

ресовался им, равнодушничал, а вот экипажи двух вертолетов вызвали в нем некоторую степень антипатии. Он спросил у Кравченко:

– Вы не менты?

Кравченко его заверил:

– Мы гораздо хуже, пареньь.

Обменявшись взглядами и жестами с командой, Кравченко в упор посмотрел на субъекта.

– Закопал?

Субъект вопроса не понял. Кравченко подумал, не дать ли ему в морду, но передумал, и сказал:

– Дружки твои не приедут, Гусев.

Субъект опять не понял. Он не притворяется, подумал Кравченко. Притворство выглядело бы гораздо естественнее. Он действительно тупит. Жаль. Красивая была бы история, с красивой концовкой: похитители ждали неподалеку; от поезда на всем ходу отцепили вагон, машинисту велели не обращать внимания, а то зарежут к чертовой бабушке; вагон остановился посреди квази-пустыни, без связи. Приезжают, забирают коллекцию, уходят. Но – забоялись, не пришли дружки, в последний момент поджали хвост, разыграло чувство самосохранения, и зачинщик остался один в степи, как ордынский разведчик под Киевом, только без коня. И вот доблестная команда с Кравченко во главе ... и так далее.

Нет, здесь произошло что-то другое.

– Нашли!

Кравченко повернулся, и субъект тоже. Член группы Фигус обнаружил и уже успел открыть хитрую дверцу в боку вагона. И один за другим доставал теперь оттуда продолговатые ящики, передавая их напарнику. Напарник ставил ящики на землю. Всего оказалось восемь ящиков. Посмотрели на Кравченко, а тот велел:

– Макарыч, проверь.

Полный, краснолицый Макарыч присел на землю возле ящиков, икнул, вставил в глаз лупу, открыл первый ящик, и каждый предмет в нем изучил. Все, кроме Кравченко и субъекта по имени Гусев, столпились вокруг Макарыча – всем было интересно. Макарыч работал быстро. Не прошло и десяти минут, как он сказал:

– За аутентичность не ручаюсь, но золото и камешки – настоящие.

Кравченко спросил:

– Если это подделки, но из настоящего золота, сколько они могут стоить?

Макарыч подумал, поприкидывал, и ответил:

– Тридцать пять миллионов.

– Э...

– Фунтов стерлингов, разумеется.

– Любишь ты, Макарыч, все на фунты мерить.

– Привычка. Все ювелиры так мерят.

– Ты не ювелир, Макарыч. А если не подделка?

– Я не специалист, – возразил Макарыч.

– Примерно?

– Может к трехстам миллионам подбирается, может и к миллиарду, черт его знает. Если не праздный интерес, то я мог бы попросить Козлова посмотреть. Но Козлов – тот еще фрукт. Он обязательно попросит...

– Совершенно праздный интерес, Макарыч, не страдай. – Кравченко оглянулся на задержанного Гусева. – Пойдем внутрь, побеседуем.

Гусев встрепелся и спросил с неприязнью в голосе:

– Куда это внутрь?

– В вагон.

Гусев насупился, подумал, и сказал:

– В вагон я не пойду.

Кравченко хотел было уже ляпнуть, «А тебя и не спрашивают», но что-то удержало его от этого.

– Ладно, – сказал он. Посмотрел на своих. – Вот что, мужики, вы все-таки слетайте в южном направлении, сообщите на станции, что вагон на путях недвижимый. Камешки мы нашли, и ладно.

Четверо из шести мужиков кивнули и пошли ко второму вертолету.

– Эй, – сказал им вслед Кравченко. Мужики остановились. – Скажите там заказчику, что, мол, посылка обнаружена, в сохранности, и один хореk в силках. Ждем дальнейших инструкций.

Присели на землю возле полозкового шасси Кравченко с Гусевым.

– Наручники снимите, – попросил Гусев вяло.

Кравченко подумал, подумал, да и снял с него наручники. Никуда он не убежит. Кругом степь, видно далеко.

– Вы – люди Землемера? – спросил Гусев.

Кравченко не ответил. Встал, распрямил плечи – большой, мощный – потянулся, и снова сел на землю.

Сообщат ребята на станцию о заблудившемся вагоне. Там передадут по цепочке. Как водится, движение перекроют вплоть до выяснения произошедшего, с обеих сторон. Бедные путешественники будут томиться на станциях и вокзалах – сутки могут проторчать. А нечего ездить туда-сюда. Сидели бы дома. Скорые товарняки застрянут, владельцы товара обидятся, начнут говорить про быструю порчу продукта – ну так в следующий раз будут самолетом переправлять, нечего жадничать. А большие люди будут тем временем договариваться о том, как именно и кому представить все это дело. Скорее всего дадут приказ Фикусу забрать посылку и лететь на север. Пойманного ликвидировать. И только после этого сообщат официальным властям. После этого приедет локомотив и оттолкает вагон на следующую станцию. Договариваться большие люди будут долго, выяснять между собой, что и как...

– Эй, начальник!

Кравченко поднял голову. Макарыч, сидя в вертолете, в наушниках, подзывал его, указывая на микрофон. Кравченко залез в вертолет, взял у Макарыча микрофон и наушники.

– Слушаю.

– Допросите задержанного. Узнайте, что у него за группа.

– Мы группу поймали сегодня утром.

– Это была группа для отвода глаз. А есть и настоящая, та, которой понадобилась посылка. Узнайте, кто стоит за этой группой. Имейте в виду, что подозрения самые мрачные.

Суки, подумал Кравченко. Если подозрения – значит, опять что-то не поделили заправилы, будут теперь обвинять друг друга. Дело затянется. Допросить задержанного? Наверняка он не главный в этом деле, хоть и Гусев. Личность известная, с репутацией, но кража перевозимого – не его амплуа. Не он придумывал. Возможно, его просто подставили. Поэтому и не дал я ему в морду.

Кравченко снова сел на землю рядом с Гусевым. Сказал:

– Велено тебя допросить.

Гусев пожал плечами. Кравченко это не понравилось.

– Так не пойдет, Гусев. Тебе, может, скучно отвечать на вопросы, но уж потерпи.

Гусев поднял на него глаза.

– А мы разве на ты?

– Хорошо, давай на вы. Давайте. Что здесь произошло, господин Гусев?

Гусев поднял голову, некоторое время смотрел на Кравченко, и вдруг сказал:

– Вы ведь все равно не поверите.

– Ну почему же.

– Потому что ... вас как зовут?

Кравченко подумал и сказал:

– Виктор меня зовут. Продолжайте, господин Гусев. А вдруг поверю?

Гусев снова пожал плечами.

– Вы меня знаете?

– Да как сказать. Личность вы, господин Гусев, в наших весах известная. Многие вас знают.

– Что именно обо мне знают?

– По верхам. Занимались предпринимательством, потом срок вам дали, потом вы вышли, и через несколько лет обрели международное влияние в неких сферах. Кого-то замочили...

– Никого я никогда не мочил! – отрезал Гусев. – Никогда. Слышите?

– Не сердитесь. В вагоне обнаружен ваш пистолет и...

– Я сам знаю, что там обнаружено!

– И вы ни в чем не...

– Нет.

– Не сердитесь, Гусев. Я не исключаю, что вы случайно оказались в этом вашем положении. Расскажите, я послушаю.

– А вот не буду я ничего рассказывать. И требую присутствия адвоката.

– Гусев, возьмите себя в руки. Какой к лешему адвокат? Я ведь вам сказал, что мы не менты. До ментов и адвоката вам еще дожить надо. Хотите дожить?

– Дожить? Не знаю. Виктор ... Виктор, да? Не маячьте, пожалуйста ... перед глазами. Сядьте, что ли, рядом.

Кравченко снова присел рядом с Гусевым.

– Срок я мотал ... было дело ... – Гусев о чем-то пораздумывал.

– Несправедливо посадили? – подсказал Кравченко, изображая сочувствие.

– Почему ж несправедливо? Кто-то должен был сесть тогда. Из десяти примерно человек.

– Подставили вас?

– Сам подставился. Можно было и не подставляться, но тогда я бы всю жизнь был кое-кому обязан, а я не люблю быть обязанным. Три года отсидел, вышел. Это не имеет отношения ... – он сделал жест рукой, указывая на вагон, вертолет, группу Фикус, все вместе. – То, что Землемер вез с собой какую-то дребедень, я просто не знал, и дела мне до этого не было и нет.

– Землемер? – переспросил Кравченко. – Вы правда думаете, что камешки вез Землемер?

– Ну да. А кто же?

Кравченко помолчал немного и сказал:

– Рассказывайте по порядку.
Ему стало вдруг интересно.

...Вышел Гусев – и не удивился, что старые его друзья не хотят с ним иметь никакого дела. Это было понятно – он якобы сдал на суде двух. На самом деле между ними был договор, кому садиться, кому сдавать. Гусев все пункты договора исполнил безукоснительно. Но про него все равно думали, что он – ну, в общем, предатель. Знали, что это не совсем так, но продолжали думать. Понимали, что никакой вины его нет, но дела иметь не хотели.

С детства, с приюта, невзлюбил Гусев быт рядовых людей. Бывал в квартирах знакомых сверстников, видел, как живут их родители, и не нравилось ему. Большими способностями в каких-либо областях, таких, что еще в школе заметны, Гусев не обладал. Ни спортсменом, ни ученым, ни политиком быть не собирался. Что остается? Работа руками и работа в конторе, ради прожиточного минимума. Скудная работа до самой старости. Возможности, которые такая работа давала работнику, Гусев видел, и, достигнув отроческого возраста, понял, что спрос с рядовых взрослых – лямка до старости

— большой, и отдача несоразмерна с этим спросом. Закончив восемь классов, Гусев пошел в училище, и уже там начал заниматься предпринимательством. Сперва по мелочам — одежда да коньяк. Потом покрупнее — продуктовые базы и строительство. Несколько раз он «горел» — терял приобретенное, и несколько раз получал в морду. Таким образом приобретен был опыт. После этого вес его в определенных кругах начал расти, и рос вплоть до того момента, как его и его партнеров повязали — где-то кто-то недосчитался причитающейся доли, какой-то чиновник обиделся.

Выйдя из тюрьмы, Гусев вернулся в родной город и некоторое время мыкался, неприкаянный. Старые знакомые от него отворачивались, говорили — «Да, я потом тебе позвоню; сейчас, ну правда, совершенно нет времени». А как это — позвоню, если у Гусева даже телефона нет?

Наконец устроился Гусев работать сторожем на складе — и очень вовремя. Если своего угла нет, и приходится ночевать на улице, даже в южном городе — быстро изнашивается одежда, какая на тебе есть, и превращаешься ты в бомжа. А бомжей ни на какую работу не берут, а другую одежду взять нигде. Разве что ограбить кого-нибудь, но у Гусева с детства была к таким вещам, как грабеж, стойкая неприязнь.

Некоторое время Гусев спал на том самом складе, кото-

рый охранял, но на первую же получку снял себе комнату – каморку на втором этаже глиняного сарая, зато с отдельным входом. Отхожее место помещалось во дворе: будка в человеческий рост, с толстой доской горизонтальной, а в доске дыра. Запиралась изнутри на крючок чуть толще булавки. Вода тоже была во дворе – в водокачке. Покачаешь ручкой – льется. То, что не используешь, льется дальше по склону, под ограду и на улицу, и по улице вниз, вниз, к центру, к кафе и пляжам. За окном каморки рос инжир. Хозяйка была старая, тощая, похожа на ведьму, но согласилась на небольшую плату и с расспросами не лезла. У хозяйки имелась собака, огромная черная овчарка, с которой хозяйка Гусева познакомилась, и сказала, что он свой. Собака нехотя поверила. Наступила желанная передышка.

Светские развлечения – клубы да рестораны – были Гусеву не по карману, да и не нужно, зачем. Дома есть электроплитка. Хозяйка без всякой платы дала ему кастрюлю и сковородку. Готовь, что хочешь. Раз в неделю можно купить бутылку местного вина, от которого потом голова болит и в животе бурчит, и жить себе всласть, ни о чем не думать. А там видно будет.

Случился у Гусева выходной день. Шел он по круто вниз спускающейся улице, направляясь в центр – иногда человеку нужно побыть среди людей – а потом можно на набережную, рядом с центром. И увидел Гусев сидящую на тротуаре, прислонясь спиной к стене глиняной хибарки, женщи-

ну. Ему показалось, что он ее знает. У женщины были мутные глаза, грязные темные волосы, а одежда – спортивный костюм и кроссовки – выглядела так, будто женщина сюда своим ходом шла с Сахалина. Женщина подняла на Гусева мутные глаза, попыталась улыбнуться, и нерешительно протянула вперед руку, ладонью вверх.

– Валька? – спросил Гусев.

– А?

– Ты – Валька?

– Я – Валька, – подтвердила Валька.

– Мы с тобой в приюте были вместе, и в школу ходили, – сказал Гусев. – А потом ты уехала на соревнования.

– Да, – сказала Валька, выжидающе глядя на Гусева. Она явно его не узнавала.

– Я – Гусев, – сказал Гусев.

– А я – Валька, – сказала Валька.

Гусев посмотрел по сторонам, будто что-то ища.

– Ты где живешь? – спросил он, понимая, что вопрос глупый.

– Я? Сейчас нигде. А на прошлой неделе...

Валька запнулась и задумалась. Может, вспоминала, где она жила на прошлой неделе, в каком особняке на каком проспекте, и как звали лакея с пышными бакенбардами во фраке.

– Пойдем ко мне? – неожиданно предложил Гусев.

– А это далеко? – спросила Валька.

Что это я такое делаю, подумал Гусев. Зачем я ее приглашаю. А, понял он. Спасаясь от одиночества. А что, логично. Даже воры не хотят со мной общаться. Уехать, что ли, в столицу? А зачем? Слухами земля полнится. Сунешься куда-нибудь – спросят, что ты за сокол такой парящий, начнут выяснять – и все сразу всплывет. А в столице к тому ж еще и мороз случается. Ну, пусть будет хоть Валька – рыхлое, неуклюжее существо с гнилыми зубами, бывшая соученица.

Можно, конечно, скопить денег и купить костюм. Не очень приличный, но новый. И склеить какую-нибудь сердобольную одинокую бабу. Но придется ей в конце концов рассказывать, кто ты такой и за что сидел. А Гусеву надоело об этом рассказывать людям, которые послушают-послушают, а потом смотрят с осуждением.

И он повел Вальку к себе в каморку. Вопреки ожиданиям, воняло от Вальки не очень сильно. В каморке Валька быстро слопала тарелку борща, а потом еще тарелку, после чего сказала, что ей «нужно в туалет». Гусев довел ее до нужника во дворе. Было уже темно. Валька попросила принести ей мыло.

Потом она долго возилась под водокачкой – подмывалась, отмывалась. В окнах хозяйки зажегся свет. Собака несколько раз порывалась выскочить и, наверное, укусить Вальку за рыхлый зад, но тактичная хозяйка ее не пускала. Гусев курил, стоя неподалеку, глядя на силуэт голой Вальки – тяжелое тело, неуклюжее.

Они действительно жили когда-то в детстве в одном и том же приюте. Не дружили, но знали друг друга.

Вальке, когда подошел возраст, объяснили, что родители ее были – ну совсем дети еще. Прогуливали школу, пили всякую гадость, прятались на задворках, вечером на пляже, začали Вальку, потом отец – лет шестнадцать – куда-то исчез, мать – того же возраста – родила; родители матери сражались ежедневно с бедностью и друг с другом, и новорожденную взять на попечение отказались наотрез. Вальку сдали в приют.

Есть у приютских детей золотая мечта – это когда приходят красивые муж и жена с добрыми лицами и лучезарными глазами, не пахнущие ни потом, ни мочой; приходят, и ласковыми мягкими руками гладят чадо по голове, целуют в щеку, роняют сентиментальную слезу, и забирают к себе домой, после чего чадо живет с ними счастливо и долго в атмосфере взаимного обожания, и исполняются любые этого чада прихоти. Хочешь торт? Вот тебе торт. Хочешь игрушку? Какую? Папа сейчас сбегает, принесет. Хочешь, чтобы друзья пришли? Сейчас всех вызвоним и привезем. Одного посещения такой пары хватает потом приютским детям на долгое время, посещение обрастает легендами, придумываются новые детали, перефразируются реплики благодетель-

ной пары – на детский лад. Все приютские дети мечтают, что обязательно, не сегодня, но может быть на следующей неделе, или через месяц, такая пара придет и обязательно тебя выберет, обязательно.

Не все об этом говорят. Многие лелеют надежду молча. Берут жизнерадостных и красивых, без изъянов. Также, по темным слухам, особо сердобольные берут уродцев и калек, расплачиваясь таким образом за какие-то свои грехи, наверное. Таких как Валька – некрасивых, слегка неуклюжих, боязливо смотрящих, да еще и с косоглазием, но вполне здоровых, не ущербных – не берут. Никогда. Об этом им постоянно напоминают их же сверстники в том же приюте, самоутверждаясь. «Тебя никто не возьмет, и не надейся. Ты уродина».

Дети подрастают и идут в школу. Первый класс, второй класс. Пятый класс. Вальку заприметил тренер школьной команды. В городе, где родилась Валька, плавать умели почти все. Теплое море, купальный сезон от четырех до пяти месяцев. Взрослея переставали ходить на пляж, презрительно смотрели на туристов – сволочи, мол, зажавшиеся, мы тут загигаемся, лямку тянем, а они, суки, сибаритствуют – но плавать умели. Почти все. Но именно у Вальки обнаружились особые отношения с водой. Неуклюжая, плохо сложенная, медлительная, нерешительная, в воде она менялась. Вода принимала ее, как ласковая подруга, поддерживала, расступалась и подталкивала вперед в ответ на едва заметный

гребок. Валька хорошела, выглядела в воде не умилительно смешной, как все дети, а грациозной и уверенной.

И был «заплыв» в бассейне, и остальные девочки из ее класса нырнули неумело и весело, как в море, и поплыли к противоположному борту, стараясь, брызгаясь, молотя ногами изо всех сил, кроме одной, дочери богатых родителей, толстой девочки, плившей интеллигентным брассом. А Валька махнула в воду почти без всплеска, легко вынырнула, и рванула к финишу так стремительно, что когда коснулась бортика руками, остальные были еще где-то на середине дистанции. Не заметить было невозможно.

Тренер, наблюдавший за «соревнованием», осведомился у учителя, где живут родители Вальки. Узнав, что Валька из приюта, подозвал ее, задал несколько дебильных взрослых вопросов («Любишь плавать?» «Люблю», бесцветным голосом ответила Валька, кривя душой. Она любила конфеты и фильмы про принцесс, и любила заочно супружескую пару, которая ее удочерит. А к плаванию понятие «любить» не относится. Как это – любить плавать? Или бегать? Или спать? Умею – да. Иногда бывает очень здорово и приятно. Но – любить? «Хочешь быть чемпионкой?» «Хочу». Взрослые – ханжи, и им нужно все время подыгрывать, иначе они сердятся и кричат. Что это такое – быть чемпионкой – Валька представляла себе смутно). Тренер рассматривал ее почти черные волосы, низкий лоб, пухлые губы, нос пятачком, слегка раскосые – монгольского рисунка, но серые – глаза,

неуклюжую позу, и о чем-то думал. А потом пошел оформлять документы на перевод Вальки в другую школу, «специальную».

В другом приюте – и в другом городе, и в другой школе – у Вальки началась другая жизнь. Приходилось много тренироваться. У тренера было двое помощников, и они учили Вальку всяким премудростям плавания. Один из помощников говорил по-английски. Она многое делала хорошо, но нужно было устранить недочеты, вредные привычки, научиться правильно рассчитывать силы. Научиться грести, как это делают настоящие спортсменки – учитывая каждый миллиметр поверхности воды и каждый участок тела – правильно держать ступню, под нужным углом. Валька послушно выполняла все инструкции.

Любому человеку после двух минут общения с Валькой становилось понятно, что Валька дура, но – исполнительная и не злая.

Когда Вальке исполнилось четырнадцать лет, тренер стал с ней спать. Сперва было неприятно, но исполнительная Валька вскоре привыкла.

Потом была команда, и был первый настоящий чемпионат, и первые таблетки для улучшения и поддержания чего-то – Валька не очень понимала чего, и разницы большой не замечала в своем плавании после приема таблетки. Замечал тренер с секундомером, и одобрительно кивал.

На чемпионате Валька заняла девятое место. Шли годы,

и Валька была полноправным членом «команды», и случился взрослый чемпионат, где ей и вменялось показать высокий класс. Она заняла седьмое место. Могла бы и четвертое, если бы не аборт за два дня до чемпионата. Тренер ушел от жены и теперь уже официально жил с Валькой в отдельной квартире с позолоченными призовыми кубками на полках. Вальке нравилось ухаживать за квартирой. Она умела быстро наводить чистоту. Ей нравилось самой расставлять мебель. Умела и стену побелить, и гвоздь вбить, если нужно, и «колесо» под раковиной развинтить и прочистить, если что. Готовить, правда, умела очень плохо. Тренер сердился, говорил, что Валька испортит любые продукты, и готовил сам. Действительно у него получалось вкуснее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.